

Ф. А. Асадуллин¹

МЕГАПОЛИС КАК ЗЕРКАЛО ГЛОБАЛИЗАЦИИ: АВТОХТОННЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА

Сложные и неоднозначные процессы, происходящие в современном мире, свидетельствуют о том, что человеческая цивилизация на наших глазах претерпевает качественные изменения, приблизительный результат или итог которых (если исключить эсхатологические прогнозы) сегодня вряд ли кто-нибудь способен предугадать. Возникшая на стыке тысячелетий новая глобальная социальная реальность характеризуется активным, «броунообразным» взаимопроникновением разных культур, религиозных и национальных традиций, что дает повод говорить об эволюционной неопределенности дальнейшего развития человеческого общества. Этот мир, который иногда из-за существующих катаклизмов называют турбулентным, все более приобретает черты мира конкурирующих цивилизационно-ценностных моделей. Каким образом и в какой форме эта конкуренция (которую некоторые исследователи образно называют «фехтованием цивилизаций») в обозримом будущем будет осуществляться, сегодня сказать трудно. Однако очевидно, что доминировавшая до недавнего времени европейско-христианская ценностная модель, которая исторически сложилась в большинстве стран Запада, знакомясь с миром исламских, ибероамериканских или буддистско-конфуцианских ценностей, определит как контуры будущего мироустройства, так и ход человеческой истории в XXI веке.

Еще в первой половине прошлого века выдающийся русский востоковед С. Ф. Ольденбург отмечал, что «об истории человечества можно будет только тогда говорить, когда в нее полноправно войдет история Востока». Для России, где проживает более 190 национальностей, это актуально, поскольку ускорившийся ход исторического развития сегодня несет угрозу потери исторической памяти и, как следствие, чувства преемственности с прошлым, которое во многом связано не только с Западом, но и с Востоком. Процессы урбанизации, происходящие во все расширяющихся свои границы городских социумах, ярко обнажают это «фехтование цивилизаций», которое в городском пространстве можно наблюдать каждый день на примере столкновения (что не исключает взаимной адаптации) разных культурных и религиозных традиций, национальных обычаев и этических представлений. Мир, в котором мы живем, разительно отличается от мира

наших родителей и предков. Одним из важнейших его отличий является то, что впервые в истории более половины населения Земли живет в городах и мегаполисах, многие из которых имеют статус мировых центров человеческой цивилизации.

Мировые города (как преимущественная форма расселения людей) являются своеобразными аккумуляторами истории, в которых через длящийся века диалог разных культур и религиозных традиций кристаллизуется архетип каждой известной нам цивилизации. Образ «вечного города», воссозданный Титом Ливием в его знаменитой «Истории Рима от основания города», — прекрасная иллюстрация истоков формирования европейской цивилизации, один из главных очагов которой почти три тысячелетия назад возник на Апеннинском полуострове. По мнению современных исследователей-урбанистов, города-лидеры — Париж, Лондон, Стамбул, Каир или Токио (с присущей им особой исторической родословной и столичной ментальностью) — являются исключительно эффективной формой территориальной организации человеческой жизнедеятельности². Любая столица — это в миниатюре вся страна. Москва как город, имеющий столичный статус и символическое значение в сознании каждого россиянина, в этом смысле не исключение. Ее многовековая история способна отразить глубину и особенности российской цивилизации, возраст которой не намного больше возраста российской столицы³. Согласно мнению видного российского историка Л. В. Милова, «Москва всегда была средоточием всех важнейших функций российского социума»⁴.

В последние годы научный интерес к историческому прошлому Москвы приобрел не только комплексный характер, но и принципиально иные, чем ранее, масштабы и измерение, что способствовало появлению десятка новых разножанровых исследований, публикаций и книг. Это можно объяснить открытием и привлечением историками и краеведами новых архивных источников и нарративов и расширением благодаря этому границ исследования указанной проблемы. Вышесказанное связано также и с изучением жизни и быта разных населяющих ее народов, в том числе мусульманских, или, по определению известного теоретика евразийства Н. С. Трубецкого (1890–1938), «евразийских магометан»⁵. Обращение к мусульманскому прошло-

¹ Советник председателя Духовного управления мусульман России и Совета муфтиев России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук, заслуженный деятель культуры Республики Татарстан. Автор более 100 научных публикаций по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и межрелигиозным отношениям, в т. ч.: «Ислам в Москве», «Очерк истории ливийской литературы, XIX–XX вв.», «Москва мусульманская», «Главная мечеть России», «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации». Шейх. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга.

² Ланно Г. М. География городов. М., 1997. С. 17; см. также: Линч К. Образ города. М., 1982.

³ Михайлов С. В. Феномен столичных мегаполисов // Полития. 2002. № 3. С. 5–7; Петрова Е. В. Столичный мегаполис как движущая сила общенациональной модернизации: зарубежный опыт и российская специфика // Вестник российской нации. 2010. № 1–2. С. 128–140.

⁴ История России XVIII–XIX вв. / под ред. Л. В. Милова. М., 2006. С. 11.

⁵ Трубецкой Н. С. История. Культура, Язык. М., 1995. С. 424. Следует заметить, что наименование «магометанин»/«мусульманин» маркирует не только религиозную принадлежность к ис-

му Москвы подчеркивает одну из главных ее граней и особенностей как исторического многонационального города, способного отразить глубину и многообразие российской цивилизации, специфику ее становления и происходящих в ней эволюционных процессов. Современная столица Российского государства представляет собой многослойное социальное образование, которое несет отпечаток разных эпох и одновременно является источником формирования проверенных временем духовных ценностей, где сосредоточено огромное историко-культурное наследие и хранится историческая память евразийских народов, издавна ее населявших и живущих поныне.

Средневековая Москва включала различные культуры евразийских народов расширяющего свои границы государства, а также его восточных и западных — далеких и близких — соседей: греков, поляков, сербов, итальянцев, немцев (в Средневековье под ними подразумевали практически всех западноевропейцев: голландцев, англичан, скандинавов), армян, мордвы, грузин. В Москве можно было встретить послов, представлявших «Чагатайский улус и Ливонский орден, южную Грузию и северную Каянскую землю, Ватикан и Венецианскую республику, Датское королевство и ганзейские города, императора Священной Римской империи и турецкого султана»¹. По словам известного французского литератора и путешественника маркиза А. де Кюстина (1790–1857), «гостеприимные обычаи древней Азии и изящные манеры цивилизованной Европы назначили здесь друг другу свидание»². Результаты этого «свидания» людей разных национальностей и духовных традиций, о чем подробно сказано дальше, можно наблюдать по сей день.

Полиэтнический состав горожан определил и разнообразие конфессий, что, в свою очередь, отразилось на духовной жизни общества, особом облике города, включающем ряд социокультурных пластов и их специфическое функционирование на каждом этапе его исторического развития. Вместе с тем Москва всегда была (и остается) не только ареной важнейших исторических событий, но и центром притяжения десятков народов, принадлежащих к арабо-мусульманскому ареалу. «Историческая прописка» евразийских народов, этнически и духовно связанных с исламом, которых русская летописная традиция по разным источникам именовала «бесермены» (или «басурмане»), «половцы», «печенег», «сарацины», «агаряне», «измаильтяне», «турченя» или «татары» (понятие «татары», включая собственно казанских, крымских и касимовских татар, в XVI–XIX вв. было сводным и часто объединяло всех выходцев с Востока), началась, как показывают данные археологических раскопок, еще до образования Московского государства и тех населенных пунктов, которые со временем вошли в границы Москвы. Использование локаль-

ной московской микроистории способно, на наш взгляд, существенно дополнить либо прояснить отдельные эпизоды формирования российской государственности и таким образом повлиять на обобщения более «высокого» макроисторического характера³, что в целом подтверждает хрестоматийное замечание выдающегося русского историка Н. М. Карамзина: «Кто был в Москве, знает Россию». Актуальность этого тезиса подчеркивается тем фактом, что сегодня в Москве, в которой проживает около 10 % населения страны, как в фокусе, отражается многообразная действительность Российского государства с интенсивным характером социополитических и культурных изменений. На полиэтничность как неизменную константу российской истории, в эпицентре событий которой практически всегда была Москва, обращают внимание не только отечественные ученые, начиная с автора первой «Истории Российской» В. Н. Татищева (1686–1750)⁴ (живо интересовавшегося историей тюрков в связи с историей России), но и такие известные зарубежные исследователи, как А. Каппелер, Дж. Хоскинг и Э. Каррер д'Анкокс⁵.

Тезис о восточноазиатском характере столицы, брошенный в глаза многим отечественным и иноземным исследователям московской старины, сегодня в исторической науке благодаря современным открытиям получил подкрепление, создав условия для новых научных обобщений, прежде всего для понимания уникальности многонациональной российской цивилизации. «В сущности, Азия предчувствуется уже в Москве, — писал в 1926 году известный русский религиозный мыслитель и публицист Г. П. Федотов (1886–1951). — Европеец, посетивший ее впервые, и русский, возвращающийся в нее из скитаний по Западу, остро пронзены азиатской душой Москвы»⁶. Это важное наблюдение исследователя российской истории можно проиллюстрировать известными примерами из действительности прошлого и сегодняшнего дня столицы, например московской топонимикой, через века сохранившей практически все исконно «азиатские», вернее тюрко-мусульманские, наименования более десяти исторических улиц: Балчуг, Арбат, Таганка, Ордынка, Остоженка или Китай-город, а также несущими отпечаток Востока шатровыми храмами и другими образцами культовой и городской архитектуры.

Традиционные шатровые завершения башен Кремля послужили высотными ориентирами для начала строительства в 1947 году в Москве семи «сталинских высоток», что в результате оказалось, возможно, самым важным послевоенным достижением московского зодчества, сформировав общий панорамный вид столицы. Расположенный на Красной площади собор Василия Блаженного, который французский писатель Теофиль Готье (1811–1872) назвал «волшебное-невероятным»⁷, — зримый пример архитектурного

ламу как вероучению, но и принадлежность к определенному цивилизационному пространству, в историческом формировании которого важное место наряду с верой принадлежит внерелигиозным факторам, связанным с культурой, политикой, вековыми традициями организации хозяйственной жизни и быта.

¹ Подробнее об этом см.: *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.

² *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М., 1990. С. 14.

³ *Архангельский С. И.* Локальный метод в исторической науке // *Краеведение.* 1927. № 2. С. 181–194.

⁴ *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962. С. 271–274.

⁵ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. М., 1997; *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000; *Каррер д'Анкокс Э.* Евразийская империя. М., 2007.

⁶ *Федотов Г. П.* Три столицы // *Новый мир.* 1989. № 1–2. С. 209–217.

⁷ *Готье Т.* Путешествие в Россию. М., 1988. С. 219.

влияния (прямого либо опосредованного) арабо-мусульманской культуры в историческом облике Кремля и в целом Москвы. «Золотая дремотная Азия опочила на куполах» — эти строки С. Есенина, возможно, навеяны великолепием этого храма, возведенного в честь завоевания Казани. Построенный сто лет назад в мавританском стиле знаменитый особняк купца Арсения Морозова на Воздвиженке (где в советское время располагался Дом Дружбы) есть не что иное, как перенесенная на московскую почву копия знаменитого замка Синтра (рядом с Лиссабоном), когда Иберийский полуостров входил в состав Арабского халифата. Образами Востока наполнена архитектура исторического здания Константинопольского подворья на углу Петровского бульвара и Крапивинского переулка, которое украшено мусульманскими узорами, или фасада «Чайного дома» на Мясницкой, китайская символика которого сразу различима.

Как и любой европейский мегаполис, современная Москва представляет достаточно пестрое в этнокультурном плане образование с заметной составляющей азиатско-мусульманских народов, насчитывающих, по разным источникам, от 1,5 до 3 млн человек. Оглядевшись вокруг, легко заметить, что мусульманский Восток стал сегодня неотъемлемой частью столичной действительности и каждодневного бытия. Московские дворы, которые приводятся в порядок и содержатся в чистоте выходцами из бывших среднеазиатских республик, или московские мечети, пространство вокруг которых в дни исламских религиозных праздников заполняется мусульманской молодежью, — это новые, доселе неизвестные реалии московского быта XXI века. Магазины татарской кулинарии «Бахетле», сеть ресторанов узбекской и азербайджанской кухни «Чайхона № 1», «Бабай-клуб», «Павлин-Мавлин», «Хаям», различные турецкие и арабские точки общепита, число которых превысило несколько сотен, — еще один зримый, знакомый всем сегмент современной городской жизни.

В то же время, в отличие от других европейских столиц, где феномен ислама в его социорелигиозном и культурном проявлениях масштабно возник только в последней четверти XX века, Москва как столица многонационального государства сама изначально была многонациональной и поликонфессиональной, во всяком случае тюрко-славянской и христиано-мусульманской. На эту особенность российской столицы, одновременно фиксируя сложные этнополитические и социальные реалии современной жизни много-

национального мегаполиса, обращают внимание западные исследователи Ширин Хантер¹ и Гордон М. Хаан², отмечающие возросшую актуальность глубокого и разностороннего исследования исламской составляющей в истории Москвы и России. В этих фундаментальных работах исламская проблематика рассматривается на широком историческом фоне и в контексте общей социально-исторической трансформации российского общества последних двух-трех десятилетий. Авторы признают, что исламский фактор в жизни Москвы и Российского государства в целом играет и будет играть долговременный и неоднозначный характер, являясь источником все новых вызовов.

В современной исторической урбанистике, являющейся междисциплинарной областью исследования и комплексно изучающей феномен городской среды, получили распространение концепции, авторы которых подчеркивают, что город — не просто социально-экономическое явление, но прежде всего духовный, культурный и психологический феномен, неразрывно связанный с особым самосознанием ее жителей и спецификой коммуникации в городской среде³. Изучение структуры социальных связей в средневековом городе и становление специфической ментальности, присущей его горожанам, целесообразно рассматривать вместе с историческим контекстом колонизации края или местности, где в результате разновременных миграционных потоков формируется прообраз или прототип главного города государства⁴.

Привлечение малоизученных и новых материалов о жизни мусульманских этносов столицы способно создать более объективную, адекватную картину бытования в ней народов, историческими и духовно-культурными традициями и корнями связанных с исламом и исламской цивилизацией в целом. Многослойность и многофакторность московской истории — возможно, ключ к пониманию синкретически сложной и противоречивой природы российской цивилизации в целом, исламская составляющая которой имеет в современной глобализирующейся действительности бесспорное научное, культурное и общественное значение. Прогнозирование будущего облика как самой столицы, так и Российского государства в целом без учета этномусульманского фактора сегодня представляется невозможным. В известном смысле бурно развивающаяся и раздвигающая свои границы Москва начала XXI века во многом моделирует завтрашний день Российского государства, одной из главных исторических характеристик которого остается многонациональность.

¹ Hunter Shireen T. Islam in Russia. N. Y., 2004.

² Hahn Gordon M. Russia's Islamic Threat. New Haven ; L., 2007.

³ Рейснер Л. И. Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада // Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990. С. 7–12, 34–35.

⁴ См.: Глазьев В. Л. Урбанистика. М., 2008.